

Клуб «ПАРУС»
Путешествия

Увлечения

Авантюры

Романтика

И в подземелье находят счастье

О спелеологии — науке о происхождении пещер, их животном и растительном мире, знают многие. Изучают ее ученые и даже целые институты. Для других походы в пещеры — это спорт и увлечение. А вот для заведующей отделом научно-технической библиотеки комбината Галины и ее мужа, мастера коксохимического производства Владимира Амельченко спелеология — нечто большее. Почти двадцать лет назад она сначала познакомилась с другом, а затем, когда они поженились, накрепко связала судьбы.

Глава 1. Начало

С чего у них началось увлечение спелеологией? Побудительными мотивами у них стала любовь к уральской природе, стремление, которое испытывает каждый из нас — увидеть новое, узнать: а что там, за голубым горизонтом прятается? Если брать во внимание временные измерения, то с детского возраста. Володя выезжал с родителями, большими любителями загородных вылазок, в лес под Абзаково. Делали небольшой переход, варили на костре обед и возвращались отдохнувшими домой на поезде здоровья. В школе занимался в радиокружке, выезжал на соревнования. Как-то познакомился со спелеологом Сергеем Лисицким. Вот с этой встречи и началось его увлечение пещерами.

Как призналась сама Галина, к туризму и путешествиям она стремилась тоже со школы. Давно это было, но до сих пор помнит, с каким трепетом относилась ко всем, кто носит пропахшую дымом у костра штормовку. Казалось, что это какие-то необыкновенные люди. Хотелось быть рядом с ними и похожими на них. Уже студенткой института она пришла по объявлению в городскую секцию спелеологов. Первая тренировка с полной нагрузкой несколько разочаровала ее. Думала тогда: схожу в первый поход и на этом закончу свою биографию спелеолога. Но та дружеская обстановка в кругу таких же романтиков, как и она, остановила ее от опрометчивого, больше того, судьбоносного шага. Почему судьбоносного? Галия не ушла из секции, и как-то на сборах спелеологов Урала встретила Володю. Уже потом, когда они побывали в походах и на сборах альпинистов подземелья, придет понимание того, что спелеология — лучшее средство познать себя, утвердиться в жизни, вплотную соприкосаясь с трудностями.

Глава 2.

Как там, в преисподней?

...Один мой приятель как-то размышлял о спелеологах таким образом: «По-моему, они все немного сумасшедшие, а? А может быть и нет... А может, наоборот, — это мы немного сумасшедшие и не можем понять нормальных людей...» Это верно. Многие действительно плохо понимают: зачем нужно лезть глубоко под землю, продираясь через узкие лазы, которые Володя и Галина называют «прокатным станом»? Там ведь можно двигаться лишь лежа, ногами вперед, с руками, либо плотно прижатыми к телу, либо вытянутыми над головой. Зачем это нужно — часами, а то и сутками жить в преисподней, мокнуть в холодных подземных водопадах, нырять в подземное озеро, как они называют «сифон», выискивая, куда дальше может вести выход в этом царстве мрака?

Сознаюсь: не признался я супругам Амельченко, что приходилось встречаться с такими же чудаками, как и они. Хотелось услышать впечатления о лазании в пещеры от них и сравнить с услышанными ранее. Оказалось, что все они — и алмаатинские, и московские, и магнитогорские спелеологи одним миром мазаны... Удивляет в них многое. Перепутав светлые дни с ночами,

они волокут за собой такие же мокрые как и сами, тяжелые мешки с веревками, лестницами, крючьями. Потом, упершись в глухую каменную стену, истощенные и усталые, лезут вверх. К чему все это?

— А вот, когда после подъема и спуска снимаешь с себя грязный и изорванный в клочья комбинезон, вспоминаешь пройденный путь, то начинаешь смотреть на все другими глазами, — говорит Галина. — Как-то по особому воспринимаешь запахи травы, цветов, солнечный свет, звуки. Жизнь начинаешь ценить новыми категориями.

— Помню, как мы опускались в пещеру Пропавшая яма, расположенную в верховьях башкирской реки Зылая, — дополняет рассказ жены Володя. — Базовый лагерь нам пришлось разбить на дне колодца на глубине ста метров. Более четырех километров прошли по ее лабиринтам. Добрались под землей до открытой в 1974 году магнитогорскими спелеологами пещеры Медвежий колодец, которая раньше считалась изолированной от Пропавшей ямы. Дело было в феврале. Жили мы в палатках десять дней, не мерзли: температура колебалась где-то в пределах плюс 4-6 градусов. Пили чистую и очень вкусную воду. Правда, света дневного не было, фонарями и свечками пользовались. Но ничего, чувствовали себя нормально.

Конечно, были у ребят и усталость, и кровавые мозоли на руках, и минуты, когда даешь себе слово больше и на сто километров не подходить к пещере, не то, чтобы лезть в расщелины. Но всякий раз приходит и восхищение, которое появляется от контраста подземелья и окружающего нас мира. И еще восхищение, правда, безотчетное — человек, если захочет, все может преодолеть.

Глава 3.

О сокровенном

Галине в тот раз не удалось вместе со всеми преодолеть все систему подземных ходов: пришло время возвращаться домой, да и в той экспедиции у нее еще не было квалификации, необходимой для спуска в такие пещеры. Но она очень хорошо запомнила прощальные песни у костра под гитару, как провожал ее за много километров ночью до автобусной станции Володя. Помнит она и Кусу. Как они только вдвоем встречали в этих горах Новый, 1979 год. Володя тащил на себе продукты, елочные украшения, часы, по которым они в полночь открыли шампанское. На улице мороз стоял под пятьдесят градусов, а им было тепло и радостно, как бывает на душе только у самых-самых счастливых людей. Выходит, что зарубки в душе спелеолога остаются не только от прикосновения к красотам подземного царства, а что-то больше и значимее есть в этих походах.

О пещерах, в которых им посчастливилось побывать за годы занятий спелеологией, они могут рассказывать часами. Для нас, обычных, они все на одно лицо — глубокие и не очень дыры в земле — вот и все. Спелеологи придерживаются иного мнения. У каждой из них — Новоурядимовской, первой покоренной Володей пещере в 1977 году, Пропавшей яме и других, есть свой характер, свои причуды, которые нужно знать и приотвориться с ним. Имеет-

ся в виду знание тех правил и техники безопасности, которыми должен владеть каждый опускающийся в подземелье. Не потерпит пещера расхлябанности решивших покорить ее людей. Сразу покажет свой нрав, если в снаряжении беспорядок. И попробуй рискни пренебречь всем этим — цена будет очень велика: жизнь человека. Владимир, ставший впоследствии руководителем секции спелеологов ММК (оказывается, и такая была), об этом помнил всегда. Все походы проходили без всяких «ЧП».

Глава 4.

Парящая птица Кавказа

Рассказали они о походе в горный массив Кугитинг-тау в Чарджоуской области Туркмении. Буквально под самым носом у границы с Афганистаном. К тому времени в семье Амельченко уже был ребенок. Соблазнили отправиться в эти неизведанные для магнитогорских спелеологов места захватывающие дух публикации в центральных газетах о пещере Кугитинга, сделанных в ней находках: мумии, какой-то необыкновенной змеи, следов дракона. Владимир на правах руководителя собрал группу из десяти человек, в которую помимо магнитогорцев вошли спелеологи из Кемерово. Настроение у ребят было приподнятое, но оно улетучилось сразу по приезду на место. Оказалось, что начавшееся после сенсационных статей паломничество спелеологов со всего тогдашнего Союза ССР вынудило местные власти закрыть входы в подземелье металлическими решетками. Попасть можно было лишь в отдельные пещеры, и то с разрешения пограничников и большого начальства геологического управления. «Погранцы» группе Амельченко дали разрешение без проволочек, а вот к главному геологу пришлось им ехать на поклон. Тут магнитогорцам явно повезло: тот раньше учился в институте на Урале и не мог отказать землякам в спуске. Правда, в обмен затребовал камни для своей коллекции. Уже по приезду домой отправили они туркменскому уральцу посылку с его заказом.

Уже по пути к интересующей пещере встретилась им группа спелеологов. Разговорились, как обычно. Отсоветовали они спускаться в эту пещеру, для здоровья, говорят, опасно, и показывают руки, пораженные язвами.

— А вообще-то места там экзотические, — вспоминает Владимир. — У нас в уральских пещерах влажность 100-процентная, у них — нулевая. В наших самых теплых пещерах температура воздуха плюс шесть градусов, там — за 20. И это в зимний февральский месяц. За две недели мы побывали в красивейшем подземелье, но особенно запомнился спуск в пещеру Каменный цветок. Всего-то час и находились в ней, но впечатлений осталось на всю жизнь.

Манят пещеры еще и вот почему. За их порогом открывается таинственный мир мрака, который может быть лишь под землей, и тишина, которую человек мог слышать лишь в каменном веке. Под землей все осталось таким или почти таким, как и многие сотни тысяч лет назад. Спелеологи ощущают это особенно чутко. Спускаясь под толщу земли, они идут вдоль русла ручья, промывтого водами за эти вот тысячи лет. Они проходят там, где прежде не ступала, да и не могла ступить нога человека. Чувство откры-

вателя — вот еще одно чувство, которое дарят пещеры.

И самое главное: пещеры помогают им лучше понять себя, испытать и закалить свой характер.

Как-то по особому загорелись у Владимира глаза, когда он начал рассказывать об экспедиции в составе сборной команды Урала на гору Фишт в районе Дагомыса. Пещера с лирическим названием Парящая птица оказалась сложной, со строптивым характером. Во-первых, добираться до нее с большим трудом — расположена она у самых ледников на высоте 3500 метров. До отметки 1500 метров снаряжение в горы «забросил» вертолет. Дальше его пришлось тащить на своих плечах — не впервой. Но за все мучения с переходом спелеологи получили в подарок 600-метровую пещеру. За ее входом прятались узкие лазы и вертикальные каскады, по которым стекала подземная река. Где-то на уровне 500 метров она вливалась в сифон — естественное озеро, в которое нырял ход и который, обляившись в гидрокостюме, ныряли спелеологи. Рекордов по проходимости Парящей птице ребята не ставили, но для Владимира, единственного, кто попал в эту сборную группу из Магнитогорска, пещера стала своеобразной школой спелеологии.

Глава 5.

Все это Родиной зовется...

Рассказать о своем увлечении спелеологией Галина и Владимир согласились без колебаний. А когда узнали, что о них появится статья в газете, засомневались.

— Стоит ли о нас рассказывать? — спросила Галина. — От походов в пещеры мы уже «отошли»: возраст не тот, семья и дом крепко «привязали». К тому же лазание по пещерам стало дорогим удовольствием. За одно снаряжение нужно выложить приличную сумму. Я уж о стоимости билетов на поезд не говорю.

А по-моему даже необходимо, чтобы о таких увлеченных людях как Амельченко, знали многие. Кто его знает, возможно, прочитав о них в газете, «загорятся» желанием стать альпинистами подземелья и другие?

Спелеология для них была своего рода стержнем жизни. Сейчас этим стержнем стала семья и дети — Павлик и Тамара. Все лучшее, что было приобретено за годы походов, супруги стараются передать им. И не на словах, а на деле — в походах по любимому Уралу. Семейная команда Амельченко уже сплавлялась по реке Белой, путешествовала по живописным Инзеру и Тирлян, побывала в Нижнем Новгороде. В планах на это лето поездки на своей машине по маршруту Златоуст-Миасс, в города Алапаевск, Демьянск. Я уж не говорю о выездах на природу вблизи Магнитогорска, которые они совершают по выходным.

Как считают Галина и Владимир, дети обязательно должны увидеть как можно больше, полюбить самый лучший на свете край — Урал. Чтобы и у них с годами появился стержень, именуемый Родиной.

В. РЫБАК.

Фотографии сделаны Владимиром Амельченко.

